

Иван
Кожедуб

Верность Отчизне
Ищущий боя



Иван Никитович Кожедуб

Верность Отчизне. Ищущий боя

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5008104

Верность Отчизне. Ищущий боя: Эксмо, Яуза; М.; 2013

ISBN 978-5-699-62949-7

Аннотация

Эта книга – самое полное, дополненное и исправленное, издание мемуаров лучшего советского аса, трижды Героя Советского Союза Ивана Кожедуба, на боевом счету которого 64 уничтоженных самолета Люфтваффе. В это число не вошли два американских истребителя «Мустанг», которые в апреле 1945 года по ошибке обстреляли самолет Кожедуба над Берлином и были немедленно сбиты в ответной атаке. Шесть лет спустя Ивану Никитовичу довелось еще раз схватиться с бывшими союзниками – теперь уже в Корее, где он командовал 324-й иад, самой результативной авиадивизией Корейской войны, которая уничтожила 216 американских самолетов, потеряв лишь 27 машин и 9 летчиков. «Безупречный боец, летчик и командир, убежденный бесребренник, он не обладал «вельможными» качествами, не умел и не считал нужным льстить, интриговать, лелеять нужные связи – и не сделал карьеры на военно-чиновничьей лестнице, хотя и получил на закате жизни маршальские звезды». Человек Долга и Чести, беззаветно

преданный Родине, И.Н. Кожедуб не пережил гибели Отечества – он скончался от сердечного приступа 8 августа 1991 года... В данном издании учтена собственноручная правка автора, внесенная в рукопись незадолго до смерти. Кроме того, мемуары великого аса дополнены его письмами с Корейской войны.

Содержание

Предисловие	5
Верность Отчизне	25
Часть первая	25
ВОЛЬНЫЕ ПРОСТОРЫ	25
МАТЬ	26
ПОДАРОК	31
ОТЕЦ	33
ТОПОЛЬ	35
ВЕЧЕРОМ	39
БОЙЦЫ	41
ПРЕОДОЛЕВАЮ СТРАХ	43
ЗАКАЛКА	50
В ШКОЛЕ	54
ПЫТАЮСЬ ЗАРАБОТАТЬ	58
ВАЖНЫЕ НОВОСТИ	62
ВСЕГДА ГОТОВ!	65
ПОСЛЕ СТЫЧКИ	69
СТРАШНЫЙ ДЕНЬ	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Иван Никитович Кожедуб

Верность Отчизне.

Ищущий боя

Предисловие

Ищущий боя

В год шестидесятилетия Великой Победы Ивану Кожедубу исполнилось бы 85 лет¹. Для одних Иван Никитович – символ великой эпохи, трижды Герой Советского Союза, забронзовевший маршал авиации, легендарный и непобедимый, – где-то рядом с Пересветом, Пожарским и Суворовым. Для других он – великий летчик, всегда ищущий боя, лучший советский ас, имеющий на своем счету рекордное количество «лаптей» и «фок», а во время Корейской войны заслуживший еще и авторитет выдающегося военачальника. Для третьих – а их, к сожалению, все меньше – веселый и заботливый боевой друг, товарищ, командир. Для четвертых – хлебосольный хозяин, добрейший, неистощимый на выдумку человек, полный своего неповторимого юмора.

¹ Хотя, возможно, официальная дата рождения И.Н. Кожедуба неверна – со слов жены, он родился не 8 июня 1920 г., а 6 июля 1922 г., и впоследствии приписал себе два года, чтобы поступить в техникум.

Его жизнь проста и ясна – как на ладони.

Иван Кожедуб родился в селе Ображеевка, что неподалеку от Шостки, в исконно русских местах, где некогда проходили на бой с половцами дружины Игоря Святославича. Младший, пятый ребенок в семье, Иван рос в крайней бедности. Отец его, Никита Илларионович, рано подорвал здоровье, но был человеком грамотным и даже философски подкованным. Наверное, его складные речи да удивительные знания были не последним доводом в ухаживаниях за Стефанидой Веремес – красивой девушкой из небедной семьи. Однако брак с «неровней» пришелся не по вкусу ее строптивому отцу, и Стефаниде отказали в приданом.

Иван не был в детстве озорником, умел хорошо рисовать, к шести годам, «по оберткам», выучился читать. Окончив 7 классов, он поступил на Рабфак Шосткинского химико-технологического техникума, а в 1938 году, восхищенный формой учлетов, пришел в аэроклуб.

В апреле 39-го он совершил свой первый полет, испытав незабываемые ощущения. Красоты родной земли, открывшиеся с полуторакилометровой высоты из кабины У-2, произвели на юношу неизгладимое впечатление.

В начале 1940 года, так и не закончив техникум и не став «специалистом по порохам», Кожедуб получает направление в Чугуевское военное училище летчиков, где последовательно проходит подготовку на УТ-2, УТИ-4, И-16. Осенью того же года, совершив два чистых полета по кругу, он, к сво-

ему глубокому разочарованию, был оставлен в училище инструктором.

Он много летает, экспериментирует, оттачивает пилотажное мастерство. *«Было бы можно, кажется, не вылезал бы из самолета. Сама техника пилотирования, шлифовка фигур доставляли мне ни с чем не сравнимую радость»*, – пишет Иван Никитович в этой книге, раскрывая тем самым суть летчика.

Весть о начале войны заставила сержанта Кожедуба (по иронии судьбы в «золотом выпуске» 1941 г. летчики были аттестованы не лейтенантами, а сержантами) еще более настойчиво заниматься летным самообразованием, изучать вопросы тактики, конспектировать редкие и не очень объективные описания воздушных боев, появлявшиеся в газетах. Дни, в том числе и выходные, были расписаны по минутам и подчинены единой цели – стать достойным воздушным бойцом. Обладая хорошим пространственным воображением, он живо представлял себе картины воздушных поединков, умозрительно проигрывал варианты, отмечал и запоминал то, что казалось важным.

Большое впечатление произвела на него речь Сталина, произнесенная 7 ноября 1941 года. Несколько ключевых фраз из той речи Кожедуб занес в свою записную книжку, хранившую также контуры самолетов и схемы воздушных боев. Суеверный, как большинство летчиков, он считал эту книжку своим талисманом и брал в каждый вылет. Заносить

мысли на бумагу, анализируя происходящие события, стало для него привычкой: всю жизнь он вел дневники.

Поздней осенью 1942 года, после многочисленных просьб и рапортов, старший сержант Кожедуб в числе других инструкторов и выпускников училища был направлен в Москву, на пункт сбора летно-технического состава, откуда попал в 240-й истребительный авиационный полк.

Еще в августе 240-й *иап* одним из первых был вооружен новейшими в то время истребителями Ла-5. Однако переучивание провели наспех, за 15 дней, при эксплуатации машин вскрылись конструктивные и производственные дефекты, и, понеся на Сталинградском направлении тяжелые потери, уже через 10 дней полк был выведен с фронта. Кроме командира полка майора И. Солдатенко, в строю осталось лишь несколько летчиков... Следующие подготовка и переучивание проводились уже основательно: в конце декабря 1942 г., после напряженной месячной теоретической подготовки с ежедневными занятиями, летчики приступили к полетам на новых машинах.

В одном из тренировочных вылетов, когда сразу после взлета из-за поломки двигателя тяга резко упала, Кожедуб решительно развернул самолет и спланировал на край летного поля. Сильно ударившись при посадке, он на несколько дней выбыл из строя и к моменту отправки на фронт едва налетал на новой машине всего 10 часов. Этот инцидент был лишь началом долгой полосы неудач, преследовавших

летчика в начале его ратного пути.

При распределении новых самолетов Кожедубу досталась тяжелая пятибачная машина с бортовым номером 75. Во время своего первого боевого вылета на прикрытие аэродрома, пытаясь атаковать группу бомбардировщиков, он попал под удар вражеских истребителей, а затем в зону огня своей же зенитной артиллерии. Самолет получил тяжелые повреждения от пушечной очереди Me-109 и от попадания двух зенитных снарядов. Кожедуб тогда чудом остался жив: бронеспинка защитила его от фугасного снаряда авиационной пушки, а ведь в ленте фугасный снаряд, как правило, через один чередовался с бронебойным...

После ремонта его Ла-5 мог именоваться боевой машиной лишь условно. На боевые задания Кожедуб вылетает редко и на «остатках», т. е. на свободных самолетах, которых было меньше, чем легчиков. Однажды его и вовсе чуть не забрали из полка на пост оповещения. Лишь заступничество Солдатенко, то ли разглядевшего в молчуне-неудачнике будущего великого бойца, то ли пожалевшего его, спасло Ивана от перепрофилирования.

Только на Курской дуге, во время сорокового боевого вылета, сам уже став «батей» – заместителем комэска, – Кожедуб сбил своего первого немца – «лаптежника» Ю-87. После этой победы его счет начинает быстро расти – выполняя нелюбимые истребителями задания по прикрытиею наземных войск и сопровождению, Кожедуб одержал здесь 4

официальные победы.

Взыскательный и требовательный к себе, неистовый и неутомимый в бою, феноменально выносливый к перегрузкам, он становится идеальным воздушным бойцом, инициативным и исполнительным, дерзким и расчетливым, отважным и умелым, рыцарем без страха и упрека. *«Точный маневр, ошеломляющая стремительность атаки и удар с предельно короткой дистанции»*, – так Кожедуб определял основу воздушного боя. Впрочем, сам он, будучи прекрасным стрелком (в том числе, кстати, и из личного оружия, о чем есть свидетельства с полковых и дивизионных стрельб, – на пятидесяти метрах он умел отстрелить горлышко у бутылки), будучи настоящим снайпером, Кожедуб предпочитал атаковать самолеты противника с 200–300 метров, редко, по обстоятельствам, сближаясь на более короткую дистанцию. Он был рожден для боя, жил боем, жаждал его. Вот характерный эпизод, подмеченный другим великим асом, однополчанином Кожедуба, Кириллом Евстигнеевым: *«Как-то Иван возвратился с задания, разгоряченный боем, возбужденный и, может быть, поэтому непривычно словоохотливый: – Вот гады дают! Не иначе как «волки» из эскадрильи «Удет». Но мы им холку намяли – будь здоров! – И, показав в сторону КП, он с надеждой спросил адъютанта эскадрильи: – Как там? Ничего больше не предвидится?»*

Отношение Кожедуба к машине приобретало черты религии, той ее формы, что носит название аниматизма. *«Мотор*

работает четко. Самолет послушен каждому моему движению. Я не один – со мной боевой друг», – в этих строках отношение аса к самолету чуть ли не как к одушевленному существу. И это не поэтическое преувеличение, не метафора. Подходя к машине перед вылетом, Кожедуб всегда находил для нее несколько ласковых слов, в полете разговаривал как с товарищем, выполняющим важную часть работы. Ведь, помимо летной, трудно найти профессию, где судьба человека больше бы зависела от поведения машины.

Всего за войну он сменил 6 «лавочкиных», и ни один самолет не подвел его. И он не потерял ни одной машины, хотя случалось гореть, привозить пробоины, садиться на усеянные воронками аэродромы.

Из его машин наиболее известны две. Одна – Ла-5ФН, построенная на деньги колхозника-пчеловода В. Конева, с яркими, белыми с красной окантовкой, надписями по обоим бортам (а ведь летчики особенно не любили броских примет), имела удивительную фронтовую судьбу. На этом истребителе Кожедуб провоевал май – июнь 1944 г., сбив 7 немецких самолетов. После его перевода в 176-й *gvan* на этой машине несколько боевых вылетов совершил П. Брызгалов, а затем К. Евстигнеев, уничтоживший на ней еще 6 вражеских самолетов.

Другой прославленный истребитель Кожедуба – Ла-7, бортовой номер 27 – сегодня можно увидеть в Музее ВВС (Монино). На нем Иван Никитович летал в «маршаль-

ском» *guan*, на нем закончил войну, на нем сбил 17 вражеских машин.

А всего за годы войны Кожедуб совершил 330 боевых вылетов, провел 120 воздушных боев, лично сбив 62 самолета, – это лучший результат в авиации союзников.

О своем боевом пути Иван Никитович подробно рассказал в этой книге. Добавим то, о чем он, по различным причинам, не мог написать.

Так, Кожедуб не упомянул, что один из офицеров полка, замкомэска Тимофеев, сбитый еще в начале войны, был переревербован в плену немцами и, по возвращении на фронт, довольно нагло пытался наладить подрывную работу. Наглость и сгубила его – еще до начала интенсивных боев он был арестован Смершем. В одном из парных боевых вылетов Тимофеев пытался поставить Кожедуба в безвыходную ситуацию, но то ли приобретенное мастерство, то ли предопределенность спасли Ивана Никитовича... А вообще за годы войны Кожедубу довелось летать в паре с добрым десятком летчиков – чаще других с В.Ф. Мухиным и В.А. Громаковским, – причем он не потерял никого из своих ведомых.

К сожалению, мало пишет он и о том, что среди летчиков полка был человек, ставший для него живым примером, – Кирилл Алексеевич Евстигнеев. Этот ас почти всю войну опережал Кожедуба по числу официальных побед, уступив ему первенство только в 1945 году.

И, наконец, еще один малоизвестный факт, о котором

Ивану Никитовичу пришлось умолчать в мемуарах. В самом конце войны Кожедуб пополнил свой боевой счет еще и двумя американскими истребителями Ф-51 «Мустанг», которые по ошибке попытались атаковать его над Берлином, но были немедленно сбиты при отражении атаки. Как рассказывал мне сам Иван Никитович, 17 апреля 1945 года, встретив в воздухе «Летающие крепости» союзников, он заградительной очередью отогнал от них пару «мессершмиттов», но через секунду сам был атакован американскими истребителями прикрытия.

«Кому огня? Мне?! – с возмущением вспоминал Кожедуб полвека спустя. – Очередь была длинной, с большой, в километр, дистанции, с яркими, в отличие от наших и немецких, трассирующими снарядами. Из-за большого расстояния было видно, как конец очереди загибается вниз. Я перевернулся и, быстро сблизившись, атаковал крайнего американца (по количеству истребителей в эскорте я уже понял, кто это) – в фюзеляже у него что-то взорвалось, он сильно запарил и пошел со снижением в сторону наших войск. Полупетлей выполнив боевой разворот, с перевернутого положения, я атаковал следующего. Мои снаряды легли очень удачно – самолет взорвался в воздухе...

Когда напряжение боя спало, настроение у меня было совсем не победным – я ведь уже успел разглядеть белые звезды на крыльях и фюзеляжах. «Устроят мне... по первое число», – думал я, сажая машину. Но все обошлось. В каби-

не «Мустанга», приземлившегося на нашей территории, сидел здоровенный негр. На вопрос подоспевших к нему ребят, кто его сбил (вернее, когда этот вопрос сумели перевести), он отвечал: «Фокке-Вульф» с красным носом... Не думаю, что он тогда подыгрывал; не научились еще тогда союзники смотреть в оба...

Когда проявили пленки ФКП², главные моменты боя оказались зафиксированы на них очень четко³. Пленки смотрело и командование полка, и дивизии, и корпуса. Командир дивизии Савицкий, в оперативное подчинение которому мы тогда входили, после просмотра сказал: «Эти победы – в счет будущей войны». А Павел Федорович Чушков, наш комполка, вскоре отдал мне эти пленки со словами: «Забери их себе, Иван, и никому не показывай».

Это было одно из нескольких боевых столкновений советской и американской авиации, случившихся в 1944-45 годах...

После окончания войны гвардии майор Кожедуб был направлен в Академию ВВС в Монино⁴. В ноябре 1945 года в

² ФКП – фотокинопулемет.

³ Вы можете видеть эти уникальные кадры на первой вкладке.

⁴ Вместе с Кожедубом в Академию ВВС были приняты дважды Герои Советского Союза летчики-истребители Н.Д. Гулаев, А.Е. Боровых, С. Д. Луганский, штурмовики Т.Я. Бегельдинов и Л.И. Беда, еще более 50 слушателей были Героями Советского Союза. Три выпускника из числа слушателей 22-го приема (в Академии ВВС выпуски считались по номеру приема) стали маршалами авиации (Кожедуб, Кирсанов, Силантьев), 44 – генералами. Заметим, что в следующем,

монинской электричке он встретил красавицу десятиклассницу Веронику и вскоре сделал ей предложение. 2 января они расписались и отметили это событие (свадьбой его назвать трудно) в одном из штабных помещений аэродрома Теплый Стан.

Искреннюю любовь к Веронике Николаевне, своему «главному адъютанту и помощнику», Иван Никитович пронес через всю жизнь. В письмах к обожаемым жене и дочери, впервые опубликованных в данной книге, этот грозный боец, наводивший ужас на врагов, предстает человеком нежным и трогательным до сентиментальности.

Женщина необыкновенной красоты, энергичная, изящная, легкая, Вероника Николаевна была способна вести непринужденную содержательную беседу – и успешно торговаться на рынке, участвовать в многокилометровых морских заплывах и классно водить автомобиль, помнить сотни встреченных ею людей, их имена, лица, привычки. Она любила и умела прекрасно, с фантазией, готовить, собирала произведения живописи, дружила со многими известными художниками⁵, гроссмейстерски играла в преферанс, но

23-м приеме было еще больше Героев и дважды Героев Советского Союза – 111 человек – в этом отношении он стал рекордным. Недаром тот прием прозвали «золотой ордой».

⁵ Вероника Николаевна всю жизнь гордилась тем, что помогла прекрасному художнику А.И. Лактионову, ютившемуся с большой семьей в крошечной комнате, решить квартирный вопрос. На одном из приемов в Моссовете, где присутствовал и художник, она вместе с ним подошла к председателю Моссовета Георгию Попову и в свойственной ей ненавязчивой и остроумной манере посетовала,

могла и резким словом оборвать терявшего дистанцию собеседника...

В 1947 году у Ивана Никитовича и Вероники Николаевны родилась дочь, которую назвали Наташей.

Учеба в Академии ВВС поначалу давалась Кожедубу нелегко – отвлекали бесконечные приглашения на вечера, праздники, юбилеи, просто дружеские посиделки. Добрейший человек, он был не в состоянии, как Покрышкин, жестко и решительно сказать «нет». Да и приглашения были непростыми – то от трудового коллектива ЗиСа, то от известных артистов, то от комендатуры Кремля. *«Мрачные, похожие на ворон, люди в погонах с синими просветами – жуть»*, – вспоминала последних Вероника Николаевна. Изредка приезжали однополчане, соратники – молодые, веселые, сильные. Надо ли говорить, что большинство этих встреч заканчивались выпивкой, нередко весьма серьезной. Большим любителем выпить был Н. Ольховский, бывший командир Кожедуба. Его визиты сразу принимали заданную им направленность и заканчивались за полночь, а то и на следующий день.

Поскольку отец Ивана Никитовича умер в 1945 году, так и не дождавшись сына с войны, а мать отошла в мир иной

что, дескать, налицо объективное противоречие между размерами картины (речь шла о знаменитом полотне Лактионова «Письмо с фронта») и размерами квартиры художника. Остроумие было оценено, обещания исправить противоречие даны, свидетелей было много – и вскоре Лактионов получил новую просторную квартиру.

еще раньше, в 36-м, – отеческие функции в какой-то степени принял на себя маршал авиации Ф.Я. Фалалеев: он как мог ограждал Кожедуба от приглашающих, дал команду не пускать в Академию визитеров, в том числе и в форме, оберегал от мошенников, которых хватало и в те времена. (Заметим, что и Академию ВВС Иван Кожедуб выбрал в июне 1945 года после беседы с Фалалеевым. Некоторые советовали ему, по примеру Покрышкина, Алелюхина, Лавриненкова, идти в Академию им. Фрунзе.) Но у Фалалеева не было главного – здоровья, которое он подорвал в годы войны, будучи заместителем командующего ВВС и лично докладывая Сталину о боевой работе авиации. Умер Фалалеев в 1955 году.

Да и состояние здоровья самого Кожедуба ко времени окончания Монинской Академии оставляло желать лучшего – чудовищные затраты нервной энергии в воздушных боях, испытания медными трубами после войны не могли не отразиться на его самочувствии: появились проблемы с сердцем, носоглоткой. Но, несмотря ни на что, Иван Никитович успешно окончил командный факультет Академии ВВС, получив за дипломную работу отличную оценку, и был назначен на должность комдива под Баку. Однако В.И. Сталин оставляет его под Москвой, в Кубинке, помощником заместителя, заместителем, а затем и командиром 324-й *иад.*, в составе которой Ивану Никитовичу доведется еще раз окунуться в «реку войны» – первой войны новой реактивной эры – и вновь добыть для своей Родины великую ратную славу.

ву.

В конце 1950 года, дивизия Кожедуба, одной из первых перевооруженная на реактивные истребители МиГ-15 ФУдивительно, что среди сотен авиамоделей из десятка стран мира, продаваемых в Центральном универмаге «Детский Мир» в Москве, ни в 2004, ни в 2005 году не было ни одной модели МиГ-15, наверное, самого прославленного реактивного истребителя советских ВВС., была отправлена на Дальний Восток. С марта 1951 года по февраль 52-го в небе Кореи дивизия сбила спесь с воинственных янки, одержав 215 побед и потеряв лишь 52 самолета и 10 летчиков⁶. Кожедубовцы не только «завалили» 12 американских «сверхкрепостей» (именно катастрофические потери стратегических бомбардировщиков Б-29 в Корее заставили США отказаться от планов ядерного нападения на Советский Союз), но и захватили драгоценный трофей – новейший американский истребитель Ф-86 «Сейбр», который был подбит Е. Пепеляевым и совершил вынужденную посадку на северокорейской территории, откуда его вывезли в СССР и подвергли детальным исследованиям, так что последующие модели микояновского КБ во многом обязаны этому трофею.

Хотя самому Кожедубу строго-настрого запрещалось лично участвовать в боевых действиях, под его командованием 324-я *иад* имела в Корее наивысшую «боевую производительность» (число побед к количеству боевых самолетов)

⁶ Подробнее об участии И.Н. Кожедуба в Корейской войне см. в конце книги.

и наименьшие относительные (к боевому вылету) потери в самолетах и летчиках. Боевая работа 324-ой *иад* в Корее навсегда останется ярчайшей страницей Российской военной истории, а ее командир заслужил право называться не только величайшим советским асом, но и выдающимся военачальникам.

После Кореи была служба под Калугой, в Инютино, затем Академия Генштаба, по окончании которой в 1956 г. И.Н. Кожедуб был назначен первым замом начальника Управления боевой подготовки ВВС страны. С мая 1958-го по 1964 год он был заместителем командующего ВВС Ленинградского, а затем Московского военных округов. До 1970 г. Иван Никитович регулярно летал на истребителях, освоил десятки типов самолетов и вертолетов. Последние полеты он совершил на МиГ-21. С летной работы ушел сам и сразу.

Части, которыми командовал Кожедуб, всегда отличались низким уровнем аварийности, и сам он как летчик не имел аварий, хотя «нештатные ситуации», конечно, случались. Так, в 1966 г., во время полета на малой высоте, его МиГ-21 столкнулся со стаей грачей; одна из птиц попала в воздухозаборник и повредила двигатель. Для посадки машины потребовалось все его летное мастерство.

После Московского военного округа Кожедуба вернули на должность зама начальника Управления по боевой подготовке ВВС, откуда он был переведен почти двадцать лет назад...

Безупречный воздушный боец, выдающийся авиацион-

ный командир, он не мог найти себя в мирное время, не обладал вельможными качествами, не умел заискивать и льстить, интриговать и лелеять нужные связи. Казалось, он даже не замечал ревности к своим орденам и славе.

В орденом наборе Ивана Никитовича три звезды Героя Советского Союза, два ордена Ленина, семь орденов Красного Знамени⁷, орден Александра Невского, Отечественной войны 1-ой степени, 2 ордена Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 3-ей степени, иностранные ордена...

Среди друзей Кожедуба были самые разные люди. Нередко он появлялся в обществе великого тенора И.С. Козловского, режиссера С.Ф. Бондарчука и писателя А.В. Софронова, дружил с актерами И.В. Переверзевым и И. Андреевым, скульпторами Н.В. Томским и Л.Е. Кербелем, художниками А.И. Лактионовым и Б.М. Щербаковым, конструкторами В.П. Глушко и С.А. Лавочкиным. Часто, и отнюдь не в лучшие для маршала годы, по-дружески бывал у Г. К. Жукова.

Но главное место в душе Ивана Никитовича занимали все же фронтовые друзья: Евстигнеев и Мухин, Чупиков и Куманичкин, Ольховский и Громаковский... А ближайшим товарищем был, наверное, Евгений Васильевич Петренко, его земляк, полковник, Герой Советского Союза, бывший лет-

⁷ Напомним, что 8 орденов Красного Знамени исхлопотал себе лишь И.И. Пстыго, а по 7 орденов, кроме И.Н. Кожедуба, имеют выдающиеся воины С.М. Буденный, В.Ф. Голубев, С.Д. Горелов, Б.Д. Мелехин, П.Ф. Заварухин, М.И. Бурцев.

чик-истребитель Северного флота. Человек неистощимого юмора, любитель всевозможных шуток и розыгрышей, он был родственен Кожедубу своей склонностью к сатирическим эскападам, каламбурам и анекдотам.

Домашние помнят десятки поговорок, которыми Иван Никитович разнообразил свои речи: «Людына нэ птица» – в ответ на просьбу поторопиться; «Ведешь осмотр задней полусферы?» – к заглядевшемуся на незнакомку приятелю; «У-у, какой у тебя подвесной бачок образовался!» – удивлялся он животу потолстевшего товарища.

Вместе с тем, Иван Никитович был человеком исключительно вдумчивым, склонным к анализу. Еще в юности он завел дневник, куда заносил тщательно отобранные, необходимые воздушному бойцу факты, делал выводы, строил планы, – и впоследствии вел эти записные книжки всю жизнь.

Собрал большую библиотеку и много читал⁸. Особенно ценил Есенина, Шолохова, К. Симонова.

Хорошо играл в преферанс и шахматы, любил бильярд и теннис.

Не любил мрачную музыку; когда ее включали – хмурился и сердился...

Национальный герой, он всю свою жизнь был вынужден вести гигантскую общественную работу. Приятной была, пожалуй, должность вице-президента ФАИ: тут и свои люди –

⁸ На центральной полке главное место занимала выполненная под книгу фляга с названием «В небе Купянщины» и атакующим «лавочкиным».

летчики, космонавты, – и летные мероприятия, и заграничные командировки. Депутат, председатель, президент десятков различных обществ, комитетов и федераций, Иван Никитович Кожедуб был одинаково честен и с первым лицом государства, и с провинциальным правдоискателем.

Он остро переживал события текущей политики, с сомнением относился к перестройке, возмущался войной, развязанной США в Ираке.

Умер Иван Никитович у себя на даче, в Монино, от сердечного приступа, 8 августа 1991 года, не дожив двух недель до развала Великого государства, частью славы которого был он сам.

Имя этого великого бойца и военачальника сохранится, пока жива русская земля. Рядом с именами защитников пределов России – князя Святослава и Владимира Мономаха, Александра Невского и Евпатия Коловрата, Кузьмы Минина и Александра Суворова, Петра Багратиона и Алексея Брусилова, Георгия Жукова и Константина Рокоссовского – навсегда останется имя победителя Люфтваффе и ЮЭс эйр форс Ивана Никитовича Кожедуба.

* * *

В своей жизни, помимо десятков статей, обращений, предисловий, И.Н. Кожедуб написал, по крайней мере, пять книг: «Служу Родине», «Праздник Победы», «Верность От-

чизне», «В воздушных боях», «Друзья однополчане», – причем наиболее полной, включающей в себя содержание всех остальных, является впервые опубликованная в 1969 г. «Верность Отчизне», переиздание которой мы и предлагаем вниманию читателей.

Как и все остальные, эта книга Кожедуба вышла в литературной обработке известного филолога и переводчика А.А. Худадовой, которая была рекомендована Кожедубу его первым скульптором Г.И. Кипиновым как квалифицированный литературный работник. Худадова была тонкой остроумной женщиной, интеллигентной, сдержанной, экономной и одинокой. Последние ее качества раздражали Веронику Николаевну – супругу Ивана Никитовича, – и Худадова заслужила ее стойкую неприязнь.

Книги Кожедуба написаны несколько упрощенно, но в целом откровенно и честно, – и по сей день остаются одними из интереснейших и важнейших мемуарных изданий, посвященных Великой Отечественной войне. «Упрощенность» стиля можно отнести на счет А. Худадовой – блестящий переводчик с французского, лично и в соавторстве переведшая на русский язык многие классические произведения Руссо и Вольтера, Бальзака и Дюма, Жюль Верна и Жорж Санд, Сименона и Базена⁹, – она не имела достаточного опыта

⁹ Переводы А.А. Худадовой были изданы в самых престижных советских книжных сериях – «Библиотеке всемирной литературы» и «Библиотеке приключений».

самостоятельной авторской работы, надлежащего писательского таланта. Возможно, на манеру изложения повлияло и то, что «Верность Отчизне» впервые вышла в серии «Школьная библиотека» издательства «Детская литература». Впрочем, детской эту книгу не назовешь. Недаром на титульном листе авторского экземпляра сохранился такой отзыв маршала Ротмистрова: *«Дорогой Иван Никитович! Это очень серьезная книга. И никакая не детская – или, скажем по-другому, написана для взрослых, а художественно оформлена так, что ее одинаково будут читать, а скорее всего и читают с одинаковым интересом, как взрослые, так и юношество. Вы хорошо сделали, что эта книга увидела свет. 14.1.70 г. С уважением П. Ротмистров».*

При подготовке данного переиздания редакция имела возможность сверить текст мемуаров И.Н. Кожедуба с авторским экземпляром 1969 года, на полях которого сохранилась собственноручная правка Ивана Никитовича, учтенная при работе над книгой.

Н.Г. БОДРИХИН

Верность Отчизне

*Посвящаю боевым товарищам, вместе с
которыми я сражался против фашизма
Иван Кожедуб*

Часть первая

КОМСОМОЛЬЦЫ, НА САМОЛЕТ!

ВОЛЬНЫЕ ПРОСТОРЫ

Километрах в десяти от нашей Ображеевки протекает Десна, судоходная в здешних краях. На другом, высоком, берегу, за излучиной реки и крутым взгорьем, стоит древний Новгород-Северский.

Весной Десна и ее приток Ивотка широко разливаются, затопляют луга. За вольницей, недалеко от деревни, выходит из берегов озеро Вспольное и словно исчезает, сливаясь с пойменными водами. Невысокие холмы защищают нас от натиска вешних вод, но в большой паводок сельчане с тревогой следят, не поднялся ли уровень поймы выше обычного, и толкуют об одном – не прорвалась бы вода к хатам.

Разливаются и небольшие деревенские озера. Бурные по-

токи с шумом несутся с полей и огородов, пересекают улицы, заливают и сносят редкие деревянные мостки. Ни пройти, ни проехать.

Пойму не окинуть взглядом. Только далеко на горизонте из воды вздымается крутой берег Десны. Нас, мальчишек, притягивал тот высокий берег. Хотелось доплыть до него на лодке, взбежать по крутому подъему и поглядеть на Новгород-Северский, да старшие не разрешали. Мечтая о дальнем плавании, мы мастерили кораблики из коры и картона, и вешние ручьи уносили их в озера.

Вода спадала, и нас манили леса и луга – вольные зеленые просторы.

Дороги и гати вели из села в разные стороны: в леса – Собыч и Ушинскую Дубину, к перевозу в Новгород-Северский, на Черниговщину, в наш райцентр Шостку и в памятное мне сызмальства село Крупец.

МАТЬ

Оттуда, из Крупца, была родом моя мать. Молоденькой девушкой она познакомилась на гулянье с видным парнем из Ображеевки – моим будущим отцом. Они крепко полюбили друг друга. Но когда он пришел свататься, дед, человек крутой, прогнал жениха прочь: сильный, веселый парубок в расшитой рубахе оказался безземельным бедняком, а дед хотел выдать дочь за человека степенного, зажиточного. И она бе-

жала из отчего дома: мои родители поженились тайно.

Крестьянину-бедняку было нелегко прокормить семью, а семья росла, забот прибавлялось. Отцу приходилось батрачить на кулаков-мироедов. Гнуть спину на ненавистных богатеям ему было тяжелее всего. Вдобавок ко всем невзгодам в начале Первой мировой войны он заболел тифом. Тяжело пришлось матери с малыми детьми, хоть ей и помогали сестры и братья из Крупца. Долгая, трудная болезнь навсегда унесла силы и здоровье отца: он стал часто хворать, его мучила одышка. Чуть оправившись, он нанялся на завод в Шостку и с перерывами проработал там многие годы.

Пришла Великая Октябрьская революция. Отец, как и другие бедняки, получил надел земли и лошадь. Но земля ему досталась неплодородная, песчаная, далеко от села. На беду, он как-то, скирдуя сено, упал с высокого стога, долго проболел и с той поры прихрамывал. Так и не удалось отцу наладить хозяйство. А семья была большая: жена, дочь и четверо сыновей; старший, Яков, родился в 1908 году, я, младший, – в 1920.

Братья – Яша, Сашко и Гриша – с малых лет батрачили на кулаков.

Мать видела, что отцу не под силу тяжелая работа, но, случалось, попрекала:

– Сыны наши из-за тебя на куркуля батрачат.

Отец выслушивал попреки молча.

Весной, в двадцатых годах, когда у нас не оставалось ни

картофелины, мать отправлялась к родственникам в Крупец за помощью. Бывало, вечером скажет:

– Ну, Ваня, завтра пидемо у Крупец, к тете Гальке.

Ночью не раз проснусь, все смотрю – не рассвело ли. Правда, у родственников матери, хоть они и помогали нам, я чувствовал себя стесненно. Хаты у них в две комнаты, пол деревянный, чисто вымытый. А у нас в хате доловка – земляной. Я робел, не знал, где ступить, где сесть. К тому же кузнец Игнат, муж одной из теток, увидев меня, всегда сурово хмурил брови и говорил:

– Опять пришел!

И я, не зная, шутит ли он, правда ли не рад мне, со слезами твердил, прижимаясь к матери:

– Мамо, пидемо до Гальки.

Только у нее, у тети Гальки, мне бывало хорошо и уютно. Она искренне радовалась нашему приходу, и я это чувствовал. Баловала меня, угощала, делиась последним, неохотно отпускала.

Возвращалась мать из Крупца с тяжелым узлом – мукой, крупой, салом. Я тоже нес поклажу. Бывало, устану, начинаю отставать, хныкать. И мать, охнув, снимает со спины тяжелую ношу, кладет ее на землю под дерево, выбрав место посуше. Мы присаживаемся отдохнуть. Я дремлю, а мать тихонько напевает.

Но иногда голос ее вдруг дрогнет, и она тихонько заплачет. Весь сон у меня пропадает. Бросаюсь к ней на шею, ста-

раюсь утешить, хотя и не понимаю, отчего так горько плачет мать. А она улыбнется сквозь слезы, с трудом встанет и, взвалив ношу на спину, возьмет меня за руку. Мы медленно идем к нашей Ображеевке по дороге, обсаженной вербами.

Здоровье у матери слабое, но работает она много, ловко и проворно, никогда не сидит сложа руки. Она плохо слышит, часто сетует на глухоту, и от жалости к ней я начинаю плакать. Всхлипывая, хожу за ней следом. А иногда мать скажет: «Ой, сынок, мне что-то нездоровится» – и, оставив работу, со стоном упадет на лежанку. И я готов бежать из хаты куда глаза глядят, лишь бы не слышать ее стонов. Но удерживает чувство тревоги за мать, желание помочь ей. Не отхожу от нее: то подам пить, то поправлю подушку.

А отец стоит рядом, беспомощно разводит руками, тяжело вздыхает:

– Надорвалась мать. Еще сызмальства у отца в Крупце не по силам работала.

Подрастая, я стал меньше времени проводить с матерью. Тянуло на улицу, к товарищам: появились свои интересы.

Случалось, много тревог причиняли сельчанам вешние воды; для нас же, мальчишек, половодье было всегда порой веселых игр и забав.

Только побегут по улице первые весенние ручьи, а нас уже дома не удержат. С утра под окнами нашей хаты собираются приятели, вызывают:

– Ваня, выходи-и!

Как же не побежать, раз товарищи зовут, не принять участия в играх, не померяться силой! Да и неловко, стыдно как-то, когда ребята говорят, что ты за мамкину юбку держишься. Такой ложный стыд у мальчишек часто бывает.

С трудом отпросишься у матери: она отпускает неохотно, все боится, не простудился бы. Нацепив старый отцовский картуз и длиннополюю ватную куртку, порядком изорванную за долгую зиму, прямо в лаптях бегу на улицу к ребятам.

– Ноги не мочи в ручье! – кричит вдогонку мать.

Я был невелик ростом, но силен и закален – никогда не хворал. А мать все оберегала меня, за мое здоровье тревожилась. Со старшими детьми она была строга, а меня баловала. А когда отец попрекал ее этим, она оправдывалась: «Так вин же у меня наименьший».

Мама все чаще стала прихварывать. Однажды, когда я, натаскав воды, собрался улизнуть из дому, она подозвала меня, с укором посмотрела и сказала:

– Чого ты, сынок, не пидийдешь до мене, слова ласкового не скажешь?

И я вдруг понял, как дорога мне мать, сердце у меня дрогнуло и на глаза навернулись слезы.

С улицы доносились крики ребят, смех. Но я остался. Долго сидел рядом с матерью, все старался развеселить, развлечь ее, пока она не сказала, ласково погладив меня по голове:

– Ступай, ступай, сынок, к ребятам. Полегчало мне.

С того дня, запомнившегося мне на всю жизнь, я часто

в самый разгар игры бежал домой – узнать, как мать себя чувствует, и оставался с ней, если нужно было помочь. И уже ничуть этого не стыдился.

ПОДАРОК

Родители собрались на ярмарку в Шостку. Стал проситься и я. Но отец отказал наотрез: «Мал ты еще, успеешь. Не ка-нючь!» Мать, как всегда, заступилась и уговорила отца взять меня.

И вот я впервые в городе. Родители ходят по ярмарке, а я сижу на возу, запряженном нашей старой норовистой кобылой Машкой, и по сторонам поглядываю. Все меня в Шостке удивляет: дома в два-три этажа, яркие вывески. А особенно высокое здание на площади: вот ведь какие большие хаты бывают! А людей сколько! Торговцы кричат – зазывают товар посмотреть. Хочется походить между рядами, да родители строго-настрого наказали не баловать, сидеть на возу смиренно.

В толпе появляется мать с кульками в руках, следом за ней – отец. Он несет мешок, в нем визжит и бьется поросенок.

– Тату, он такой маленький! Выпустить бы его, а то задохнется.

– Да ты что выдумал – выпустить! На возу он сейчас утихнет.

Спорить с отцом нельзя, но, будь моя воля, я бы уж

непрерывно поросенка выпустил. Мать протянула мне длинные леденцы, обернутые разноцветной бумагой, и небольшой сверток.

– Полно, сынок! Видишь, поросенок и утих. Вот тебе подарочек.

– А что в кульке, мамо?

– Ситец. Будешь слушаться, сынок, дядя Сергей Андрусенко сорочку тебе сошьет.

Я рад: наконец-то сниму обноски, а то вечно приходится донашивать одежду старших братьев. Ситец – красный в белую полоску – мне очень понравился. Будет у меня рубашка из мягкой фабричной ткани, а не из грубого самодельного холста. Мать сама ткёт холст, и я уже ей помогаю: на моей обязанности замачивать холст, растягивать, сушить на солнце для отбелики.

– Ну как, сынок, рад? – спрашивает отец, посмеиваясь.

– Рад, тату! Дякую, дякую!

С нетерпением я ждал, когда же будет готова праздничная рубашка. Дня через два дядя Сергей принес ее, развернул, и все ахнули: к красной в полоску рубахе пришиты рукава в серую и белую клетку.

– Не хватило денег, мало ситцу купила, Ваня. Пришлось из другогошивать рукава, – сокрушенно сказала мать.

Качая головой, она надела на меня рубаху с клетчатыми рукавами. И все рассмеялись: и мать, и сестренка Мотя, и сам портной – дядя Сергей. А я был очень доволен. Такой

красивой рубахи еще ни у кого не видел.

В воскресное утро я с важностью вышел на улицу в новой рубашке. И вдруг услышал:

– Ну и вырядился Лобан, смотрите!

Как водится у ребят, было и у меня прозвище – Лобан.

– Рукава-то, рукава! Прямо чучело!

Я опрометью бросился домой. Скинул обновку и, всхлипывая от обиды, твердил:

– Ни за что надевать не буду, не буду.

Но отец велел носить рубаху. Я стеснялся, неохотно шел в ней на улицу. Впрочем, ребята скоро перестали обращать на нее внимание. Так и пришлось мне все лето носить красную рубаху с клетчатыми серыми рукавами.

ОТЕЦ

Воспитывал нас отец строго, по старинке, но грубого, бранного слова я от него не слышал никогда. В наказание он частенько ставил в куток коленями на гречиху. Терпеть он не мог, когда мы за столом шалили. Бывало, неожиданно ударит тебя ложкой по лбу и сердито скажет:

– Вон из-за стола! Сидеть не умеешь! Я что сказал, неслух! Без ужина останешься.

И приходилось из-за стола выходить. Мать, конечно, накормит, когда отец уйдет, скажет, скрывая улыбку:

– Будешь ще шкодить, ничего не получишь... Ешь, та

быстришь, шоб батька не узнав!

Отец был коренаст, широкоплеч. Мне казалось, что кулаки у него необычайно большие. Я их побаивался, был уверен, что батька всех сильнее на селе. Его добрые светло-серые глаза смотрели прямо, честно. Но если он сердился, его взгляд пронизывал и пугал. Озорным я не был, но пошалить любил; если, бывало, нашкодишь, то и смотреть на отца боишься.

Он был молчалив, но не замкнут, охотно помогал людям чем мог. Все это я понял, когда стал постарше.

Отец любил природу, знал повадки зверей и птиц, по своим приметам угадывал погоду. В детстве ему очень хотелось учиться, но не удалось; он был грамотеем-самоучкой, легко запоминал стихи и сам их складывал – чаще по-русски. Наше село стоит на севере Украины, на слиянии Сумской, Курской и Брянской областей. Говор у нас смешанный: в украинскую речь вплетаются русские, а иногда и белорусские слова и обороты. Смешаны и обычаи – так ведется испокон веков.

Чаще отец говорил по-русски и читал русские книги. Читать он любил. Только, бывало, выпадет свободное время, принимается за книгу. И читает не отрываясь. Мать сердилась, порой раздраженно говорила:

– Шо ты там вычитаешь, Микита! Книжка тобі есть не дасть.

Батька закрывал книгу, молча закладывал страницу и с виноватым видом начинал чинить домашнюю утварь или

плести лапти.

А мать, посмотрев на него, улыбалась, и от доброй улыбки расправлялись морщины на ее усталом лице.

Я был еще несмышленным мальчонкой, когда у меня появилась нехорошая черта – желание непременно возразить. Иногда даже отцу стал перечить. Сделает он мне замечание, а я заупрямлюсь и тут же начну возражать.

Отец – человек вдумчивый и наблюдательный – всеми способами старался переломить мое упрямство, все пускал в ход: и наказание, и внушение, и уговоры.

Разговаривать со мной он стал чаще, незаметно приучал к упорству в работе, исполнительности. И добился многого: я привык выполнять свои обязанности.

ТОПОЛЬ

Чем я становился старше, тем обязанностей по дому все прибавлялось. Бывало, вызывают ребята:

– Ваня! Выходи-и!..

Так бы все и бросил, побежал к приятелям. Но вспомнишь любимое присловье отца: «Кончил дело – гуляй смело» – и останешься.

По утрам чищу картошку для всей семьи, подметаю в хате. Зимой вытираю воду с подоконников, чтобы не загнивали от сырости, – отец проверяет, сухо ли. Нашу околицу, открытую ветрам, заносит снегом, и мое дело – разгрести снег

на дорожках от сеней и ворот к сараю и перед хатой.

Постепенно отец приучал меня к более тяжелой работе. Осенью, когда братья батрачили на кулака, я ездил с ним в лес на заготовку дров. Он срубал сухие ветки, а я таскал их к телеге, а потом дома складывал клетками, чтобы подсушить. Отец покрикивал: «Смотри осторожнее, глаза себе не выколи!» За ним я, конечно, не попевал, и он сам принимался укладывать ветки на телегу, а меня посылал собирать сосновые шишки для растопки.

Крепко привязав ветки и корзинку с шишками, отец подсаживал меня на воз, приговаривая:

– Держись, Ваня, не упади...

Я ехал, сидя наверху, а он шагал рядом – жалел нашу старую Машку.

Летом на моей обязанности таскать воду из озера для поливки огорода, для питья и готовки с колодца – он метрах ста от дома. Устанешь, пока дойдешь с полными ведрами, – ведь я сам чуть повыше ведра.

Поручается мне и теленка пасти. Следишь за ним зорко, чтобы в посевы не зашел, шкоды не сделал. А после сенокоса вместе с другими ребятами гоняю телят в луга. Сено убрано в высокие стога, обнесенные жердями. Чуть пойдет дождь, бежим к стогам и, зарывшись в душистое сено, пережидаем ливень.

Берег Десны зарос ивняком. Из длинной, стройной лозы плетем прочные корзинки – матерям и соседкам в подарок.

Телята мирно пасутся, а мы, срезав охапку гибких побегов, усаживаемся на берегу. Плету корзинку, как учил отец: сначала старательно делаю обруч, потом ребра, потом лозину за лозиной наращиваю, заплетаю дно, наконец, приделываю ушки, чтобы вдвоем корзинку нести.

Пока теленка пасешь, и накупаешься, и рыбы наловишь – в придачу к корзинке несешь матери в холщовой сумочке карасей, линьков да щучек.

Как-то весной отец посадил за хатой несколько яблонь, груш и слив. Он приучал меня сызмальства работать в нашем садике, учил беречь деревья. Вместе с ним я ухаживал за молодыми деревцами, снимал червей, окапывал стволы. Когда деревья стали давать плоды, отец посылал меня ночью сторожить наш садик. Я припасал рогатки, камни и, сидя под деревом, прислушивался к ночным шорохам. Иной раз отец подойдет неслышно и, если я засну, разбудит:

– Спишь! Плохой же из тебя сторож выйдет!

Став постарше, я спросил отца, зачем он это делал – ведь воров не было да и сторож такой был не страшен.

Он ответил:

– Ты у меня меньшей, а я хворал, старел, вот и учил тебя испытания преодолевать. Как же иначе? И к трудолюбию тебя приучал.

Отец гордился своими посадками, и особенно двумя стройными тополями в нашем дворе – он посадил их еще до моего рождения. Лет пяти я, бывало, вскарабкаюсь на то-

поль, что повыше, примощусь на самой верхушке и смотрю по сторонам.

Живем мы у самой околицы между двумя озерами – в одно упирается огород, другое лежит через улицу: сверху они видны как на ладони. Виден мне и большой яблоневый сад, обнесенный стеной и до революции принадлежавший помещику; видна и зеленая крыша одноэтажной школы.

Нравится мне смотреть на нашу широкую извилистую улицу, обсаженную деревьями, на березы, тополя, клены да вербы. А вот на соседней нет ни деревца и хаты ряд к ряду стоят. Неуютно на такой скучной улице жить. Отец говорил, что деревья защищают от пожара: если где загорится, меньше бед будет. И чего они деревья не посадят! Так, рассуждая, я разглядывал сверху село, пока не раздавался испуганный голос матери:

– Ой, не впади, сынок! Слазь потихесеньку!

Спускался я нехотя. Мать хватала меня за руку и вела в хату, сердито выговаривая:

– На тебе, верхолаз, не вспиваешь чинить сорочки да штаны! Будешь залазити еще – батькови скажу!

Лазил на тополек я недолго. Ранней весной, после болезни, отец срубил стройное дерево, хмуро сказав, что дров не хватило, а дороги развезло. Но я недоумевал: как же так, ведь батька сам учил каждый кустик беречь! Долго я не мог без слез смотреть на пень от тополька. И, только повзрослев, понял, что нелегко было батьке срубить дерево, которым он так

гордился.

ВЕЧЕРОМ

Мать и сестра Мотя, нахлопотавшись за день, сидят за вышиванием. Они искусные рукодельницы, как все наши односельчанки.

Мотя, прилежная помощница матери, на десять лет старше меня. В школу она не ходит – отец сам научил ее читать. Мотя всегда в хлопотах: то стирает, то возится в огороде; только вечером присядет, и то за работу – вышивает.

На одиннадцатом году она стала мне нянькой. Характер у Моти ровный, спокойный, она всегда была взросла не по летам. Но иной раз и ей хотелось порезвиться.

Мать, рассердившись на Мотю, все поминала ей, как она раз убежала к подруге и оставила меня во дворе у погреба. Я подполз к нему и покатился вниз по лестнице. Мама услышала мой крик, решила, что я искалечился, бросилась ко мне да и упала без памяти. Меня, целого и невредимого, вытащила соседка.

Мать долго не могла оправиться от испуга, и моя сестренка пролила тогда немало слез. И теперь, повзрослев, она чуть не плакала, когда мать вспоминала о том, как я свалился в погреб.

Набегавшись за день, смиренно сижу рядом с матерью. В хате тихо. Братья в чужих людях, и мать, видно, думая о сыно-

вьях, тяжело вздыхает. Я рисую в самодельной тетрадке замысловатые узоры.

По праздникам я любил ходить с Мотей к ее подругам: в хатах вывешивались рушники, раскладывались скатерти, занавески, прошвы, вышитые манишки – мастерицы показывали свои изделия родственникам и соседям. Исстари велся этот обычай. Я влезал на лавку и из-за спины старших рассматривал самобытные яркие узоры, а потом, вечером, рисовал их по памяти в своей тетрадке.

А еще больше я любил переписывать знакомые буквы с фантиков – конфетных оберток.

Так, играя, к шести годам я незаметно научился читать и писать.

Отец, отложив книгу, что-то мастерит, иногда одобрительно поглядывая на меня. Хотелось моему батьке, чтобы я стал художником, как наш односельчанин старик Малышок. Когда об этом заходил разговор, отец замечал: «Ведь на росписи можно и подработать между делом».

Иногда зимними вечерами у нас в хате собирались Мотины подруги. Сестра, тщательно, до блеска протерев стекло картошкой, зажигает керосиновую лампу. Девчата усаживаются вокруг стола с вышиванием. В окно заглядывают парубки, просят впустить. Но девушки прилежно работают, не обращая на них внимания. Вышивая, они поют старинные протяжные песни или по очереди рассказывают сказки и былины, до которых я большой охотник. Усядусь в уголок, при-

таюсь, как мышонок, чтобы спать не отправили, и слушаю про русалок и оборотней, про богатырей и их подвиги.

БОЙЦЫ

Среди жителей нашего села немало участников Гражданской войны, бывших красных партизан. Отважные бойцы, дравшиеся с интервентами и белобандитами, теперь деятельно участвовали в строительстве новой жизни на селе.

Бывшим красным партизаном был и наш сосед коммунист Сергей Андрусенко – отважный, прямой, трудолюбивый, мастер на все руки. С отцом он был очень дружен: нередко заходил к нему вечером потолковать, вместе они отправлялись на рыбалку.

Я очень любил и уважал Сергея Андрусенко.

Как сейчас, вижу его молодежавое загорелое лицо, живые, пронизательные глаза. У него военная выправка, и, хоть он не особенно высок, вид у него внушительный. Был он замечательным рассказчиком. Не только мы, ребята, но и взрослые его заслушивались. Рассказывал он о тех героических днях, когда Красная Армия и партизаны защищали нашу Родину от белобандитов и интервентов.

Вот он собирается уходить, а я тихонько тяну его за рукав и упрашиваю:

– Ну, дядя Сергей, расскажи еще что-нибудь о красных партизанах!

Он добродушно улыбнется, потреплет меня по голове и, если найдется время, напоследок расскажет какой-нибудь боевой эпизод.

Через улицу, у самого озера, жил еще один старинный друг отца, инвалид войны четырнадцатого года Кирилл Степанищенко – рядовой солдат, за отвагу награжденный Георгиевским крестом. В бою он получил увечье и ходил, опираясь на палку. Кирилл Степанищенко часто рассказывал о службе в царской армии, о произволе царских офицеров, их барском отношении к рядовому.

Я очень любил слушать его рассказы о храбрости и стойкости русских солдат.

Как-то утром в деревне начался переполох: по улицам с серьезными, напряженными лицами бежали военные, некоторые прятались по огородам. Раздались выстрелы. Оказалось это маневры, принимают в них участие артиллерия, пехота, конница. Трещотки изображали треск пулеметной очереди. И страшно, и любопытно было видеть «бой», разыгравшийся у нас в деревне: «белые» отступали под натиском «красных», но еще оказывали сопротивление.

Вдруг откуда ни возьмись появилась конница. Раздалось могучее «ура» – «враг» был отброшен. Вот бы так научиться ездить верхом!

С тех пор любимой игрой у мальчишек стала игра в войну. С увлечением мы играли в бой с белобандитами и интервентами, как бы разыгрывая рассказы Сергея Андрусенко и

других участников Гражданской войны. С криками «Ура!» неслись на воображаемого врага, как кавалеристы на маневрах.

ПРЕОДОЛЕВАЮ СТРАХ

И бывший красный партизан, и георгиевский кавалер с презрением и насмешкой отзывались о людях нерешительных, трусливых, малодушных и с уважением – о смельчаках, тех, кто силен духом и телом, у кого несгибаемая воля. И мне, как я помню, хотелось поскорее стать отважным и решительным, как герои гражданской войны, сильным и ловким, как былинные богатыри. Но не так-то просто бывает перебороть страх, не так-то легко развить в себе силу. Тут нужно время и упорство.

Смелым быть хотелось, а вот иногда, наслушавшись страшных рассказней о русалках да ведьмах, я среди ночи с криком просыпался и в страхе звал мать. Она подбегала, гладила меня по голове, и я успокаивался. Но страшили меня не только вымышленные сказочные чудовища. Я очень боялся нашу бодливую, как у нас говорили – колючую, корову. Братья, шая, приучили ее бодаться. А отучить не удалось. Особенно не любила она ребятишек. Как увидит меня – голову наклонит, наставит рога и целится прямо в живот. Я от нее удирать в надежное место – на забор. Она постоит около, головой помотает для острастки и уходит не спеша.

Шел я раз по двору, оглянулся и закричал от страха: корова тут как тут, глаза вытаращила, рога наставила, вот-вот к забору прижмет – влезть на него не успею. Я быстро осмотрелся – глядь, рядом жерди стоят. Схватил жердь и, крикнув: «Ух, я тебе як дам!» – изо всех сил ударил корову по спине. Мой враг неожиданно повернул от меня и удрал.

«Вот оно что! – подумал я. – Надо первому на нее нападать». С той поры я перестал бояться коровы.

Больше всего на свете я боялся пожаров. Само слово «пожар» наводило на меня безотчетный ужас. А пожары у нас случались нередко – от неисправных дымоходов и оттого, что ребятишки играли с огнем, когда старшие работали в поле.

Однажды летним вечером невдалеке от нас загорелся дом. Ударили в набат. Пока сельчане сбегались, пламя перекинулось на соседнюю хату. Я бросился домой, забился в угол. В это время в хату вбежал отец и крикнул:

– Ваня, возьми-ка ведро поменьше, будешь воду таскать. И помни: с пожара ничего не бери, а то сам в беду попадешь. Беги за мной!

И я, перебарывая страх, схватил ведерце и выбежал вслед за отцом. Со всех сторон спешили люди – кто с топором, кто с ведром.

Два дома охвачены пламенем. Сельчане разбирают соломенные крыши, из соседних хат выносят вещи. Женщины и

испуганные детишки громко плачут. И мне так жаль их, что я, забыв о страхе, проворно таскаю воду ведерком, стараясь не отстать от отца.

А он кричит:

– Видишь, сынок, и твоя помощь пригодилась. Людям в беде помогать надо.

С того дня я перестал бояться и пожара. Бывало, только услышу, что где-то загорелось, хватаю ведро и бегу на помощь.

Лет шести я стал бояться воды. Случилось это так. Как-то я решил, что стоит мне войти в воду, и я сразу поплыву. Другие ребята постарше плавают – дай, думаю, и я попробую. Вошел в деревенское Головачево озеро и, не успев шагу ступить, пошел ко дну. Тут подоспел соседский паренек и вытащил меня. За эту «удаль» отец меня выпорол. А выпоров, сказал:

– Не зная броду, не суйся в воду. И сначала плавать научись.

Слух о том, что я тонул, быстро разнесся по улице. Приятели собрались под окном, хохочут:

– Что, Лобан, поплавал?

Отец наказал, ребята смеются. Обидно до слез. Вдобавок мальчишки сразу заметили, что я стал бояться воды, дразнят меня:

– Ну как, поплаваем, Лобан?

Надоело мне это. И, пересилив страх, я научился плавать – наперегонки с приятелями плавал по озеру Вспольному, а став постарше – и по Десне. Завидев пароходик, взбивавший колесами белую пену, мы, мальчишки, кидались с берега и плыли за кормой наперерез волне. Пароходик предостерегающе свистел. Но это только подзадоривало нас, и мы лихо, саженками, плыли за ним. Страшновато и весело было осиливать упругие волны, качаться на них, нырять, показывая друг перед другом свою ловкость и отвагу.

Наша старая лошаденка Машка была с норовом. Я обхаживал ее со всех сторон, старался на нее взобраться. Но куда там! Она лягалась, храпела, и я отступал. Наконец добился своего: подманил Машку куском хлеба, вцепился ей в гриву, подтянулся, вскарабкался на шею. Она рванулась, и я чуть было не упал. Подбежал отец и снял меня.

Я ждал наказания. Но отец неожиданно добродушно сказал:

– Для первого раза хорошо. Научишься верхом ездить, в ночное буду отправлять. А то мне уж не под силу туда скакать. – И, усмехаясь, добавил: – Маленький ты у меня... Но ничего, научишься.

Он подвел лошадь к забору, подозвал меня:

– Влезай на забор, а оттуда на лошадь. Да поосторожней!

Живо делаю все, что велел отец. И вот я уже верхом на лошади еду по двору. Каждый день я стал объезжать лошадь.

Она слушалась меня, и я был очень доволен.

Как-то вечером ребята повзрослее собрались в ночное. Они с гиканьем вскакивали на коней и мчались в луга. Я смотрел на них с завистью.

Подошел отец и сказал:

– Сегодня и ты поедешь в ночное. Сосед Яша Коваленко тебя дожидается – я с ним сговорился. Он постарше, стал опытным конюхом. В курене тебе испытание дадут, проверят, не трус ли ты. Как хочешь, а страх пересиливай, а то в курень не примут. Смотри, сынок, не осрамись!

Он вывел кобылу, помог мне на нее вскарабкаться. Подбежала мать, протянула мне холщовую сумочку с куском сала да ломтем хлеба и, тревожно поглядывая на меня, сказала: «Поешь там, сынок». И я поскакал в ночное вместе с соседским хлопцем Яшей.

Когда совсем стемнело, старший куреня послал меня к озеру Вспольному за водой да велел лошадей пересчитать. Много я страху натерпелся: каждый куст в темноте казался чудовищем. Добежал до озера, вспомнил о русалках. Вступил в воду, зажмурив глаза, зачерпнул полный котелок. Не помню, как выскочил, как лошадей пересчитал. Но котелок донес полный – сам уж не знаю, как удалось. Старший куреня меня похвалил. Но тут ко мне подбежали ребята, схватили, раскачали и бросили в копанку. В копанках – ямах, вырытых на болоте, – замачивали коноплю, говорили, что, ес-

ли в реке коноплю мочить, рыба гибнет. Копанки глубоки и сами наполняются водой. Я и ахнуть не успел, как очутился в холодной воде. Если б я стал тонуть, ребята вытащили бы. Но я молча побарахтался, выбрался сам.

Так исстари в курене учили преодолевать страх.

Все испытания я прошел, и меня в курень приняли. Долго я сидел у костра – сушился, шкварил кусочки сала, нанизанные на щепку. А потом заснул. Разбудил меня Яша. Привести коней в село надо до зари: в поле выезжают затемно. Старший куреня торопит:

– В страду на час опоздаешь, годами не наверстаешь.

С тех пор после работы в поле, где я уже помогал отцу, каждый вечер приходилось ездить в ночное. И все бы ничего, если б не Машкин строптивый нрав. До ночного я кое-как доезжал, а вот домой ничем не мог Машку заманить.

Иногда все утро проловишь, до хрипоты накричишься:

– Маш, Маш, Маш!..

Всячески приходилось изворачиваться. На всякие ухищрения пускаться. Ходишь за ней, со слезами уговариваешь:

– Так ты же должна понять, что батька нас ждет. Ты что, или не напаслась за ночь?

Сам хлеб не ел, на него лошадь подманивал. А она ушами прядает, зло косит глазом, подойдет, ломоть схватит, повернется – и наутек. Да еще лягнуть или укусить норовит.

Надо было улучшить минутку, смело броситься вперед и вцепиться ей в гриву.

– Тпру... Тпру, поймал!

Машка пускается вскачь. Волочусь за ней, крепко держусь за жесткую длинную гриву. И вдруг лошадь делается смиренной – видно, самой надоедает. Останавливается. Тут я набрасываю уздечку, взбираюсь ей на спину. И Машка послушно поворачивает домой. Старшие ребята обычно неслись рысью да галопом, и я завидовал их удали, вспоминая лихих конников на военных маневрах. Но быстро пускать Машку боялся.

Как-то возвращаюсь из ночного, медленно еду по селу домой. Вдруг из подворотни выскочила собака и громко залаяла. Лошадь испугалась и понеслась во всю прыть. Я тоже испугался, вцепился в гриву, пытаюсь остановить Машку:

– Ты что, сбожеволила? Тпру... тпру!

Машка летела вихрем; сам не знаю, как я удержался. Остановилась у нашей хаты.

Оказалось, что мчаться галопом совсем не страшно. Спина у меня, правда, болела порядком, но уже несколько дней спустя я стал пускать лошадь галопом и мчался в курень на перегонки со старшими.

Наступила осень. Я ездил с отцом на уборку картошки, потом помогал ссыпать ее в погреб. В курене стало холодно. Сено давно уже было убрано в стога, уже нечего было опасаться, что лошади нашкодят. Мы отводили их в луга и возвращались домой – на ночь оставляли без присмотра.

Однажды поздним вечером я решил ехать в луга самой короткой дорогой – мимо кладбища. Галопом миновал его,

оставил лошадь и решил возвратиться той же дорогой – напрямик. Иду быстро, чего-то побаиваюсь. Вдруг вижу – у куста огоньки засветились. Наверное, волк! Страх подстегивает, бегу, слышу, как сердце колотится. Поглядываю по сторонам. Смотрю, из темноты на меня надвигается высоченная фигура в белом и рукой машет. Мороз прошел по коже, волосы стали дыбом – даже картуз поднялся! Не помня себя свернул в поле. Несся по стерне босиком, не чувствуя, как ноги колет: пятками затылка доставал. А сам думал: не догоняет ли меня привидение? Сделал большой крюк и тут с опаской оглянулся. Тьфу ты, да это лошадь! Идет и хвостом машет. Наверное, хозяин поленился отогнать ее в луга, отвел за околицу, и она сама пошла на пастбище.

Я громко засмеялся над собой да заодно и над всеми бреднями и небылицами. Прав батька – сколько раз говорил: привидений не существует, бояться нечего.

ЗАКАЛКА

Мы, деревенские мальчишки, любили состязаться в силе, ловкости, смекалке. Простые игры сызмальства вырабатывали в нас ловкость, силу, выносливость, быстроту, воспитывали смелость, приучали к осмотрительности.

Летом мы состязались в быстроте, влезая по высокому каштану на колокольню, оттуда по ветхой шаткой лесенке карабкались на церковный купол. Победителем считался тот,

кто первый поднимался на самый верх и первый спускался. Сверху перед нами открывались беспредельные дали. Бывало, поглядишь вокруг, и дух захватит – все бы смотрел на родимые края, да некогда: торопишься спуститься вниз.

Любили мы игру, в которую, вероятно, играли еще наши предки, – «свинопас». По кругу на лужайке вырывали ямки-«ярочки», а в середине «ярочку» побольше – «масло». Каждый охранял свою «ярочку».

«Свинопас» целился деревянным самодельным шаром из «масла» в «ярочку». Надо было отбить шар палкой, «ярочку» уберечь: чуть отбежишь – ее займет «свинопас». Тогда сам становишься «свинопасом».

Излюбленное место игр у ребят летом – озеро Вспольное: берег, заросший очеретом и сытняком, песчаные отмели.

Мы соревновались в заплыве: кто скорее доплывет до противоположного берега и обратно. Со дна били холодные ключи. Плывешь, а тебя обжигают ледяные струи, сводит руки. Пробираешь ногой дно, и кажется, что никогда не доберешься до берега, задохнешься. Подплываешь к песчаной отмели, путаешься в стеблях кувшинок, цепляешься за них. Чуть передохнешь – и обратно наперегонки.

Среди кустов у самой воды стоял шалаш: в нем все лето жил чудаковатый старик, наш сосед, искусный рыбак. Было у него множество рыболовных снастей и своя лодка. Из Шостки к нему часто приезжали рыболовы. Старик не позволял нам купаться поблизости, когда удил рыбу. Сердился, шугал

нас: «Рыбу отпускаете, пошли прочь!»

И мы убегали подальше от «дедова бережка» – так мы называли место, где стоял его шалаш. Зато дед сам звал нас, когда расставлял сети: «Эй, ребята, плескайтесь, плескайтесь у кустов, выгоняйте рыбу!» И мы диву давались, сколько рыбы он вытаскивал сетями.

Поодаль от «дедова бережка» мы играли в придуманную нами игру: кто дольше продержится под водой. Сидишь на дне, а ребята на берегу ведут счет. Зубы стиснешь, зажмуришься, в дно вцепишься, пока в висках не застучит. Вылезает, когда совсем уже не вмоготу станет. А потом загораешь на горячем песке и лакомишься вкусными побегими сытняка.

Зимой с нетерпением, бывало, ждешь, когда окрепнет лед на озерах. Наконец слышишь, кто-то из приятелей кричит:

– Айда, ребята, карусель строить, на кригах кататься.

И мы гурьбой бежали к озеру. Там мы вырубали четырехугольную льдину – кригу, с силой ее толкали, кто-нибудь бросался на нее с разбегу и мчался по льду, пока не налетал на берег.

Но больше всего мы любили кататься на карусели. Строили мы ее так: забивали в лед посреди озера кол, на него насаживали колесо от телеги, а к колесу прикрепляли длинную жердь. К концу жерди привязывали санки. Ляжешь на них плашмя, а ребята крутят колесо. И вот несешься по кругу, только в ушах свистит. А не удержишься – катишься куба-

рем. А если салазки сорвутся, то тебя выбросит далеко на берег. Часто и взрослые собирались посмотреть на нашу карусель и даже помогали крутить колесо.

Игрушки мы делали сами. Мастерили ветрячки, прилаживали их к забору – любопытно было смотреть, как крутятся наши самоделки; пускали змеев – мать все журила меня за то, что много ниток извожу. С жаром спорили, чей улетит выше.

Сами делали и лыжи: разбирали старую бочку и из досок мастерили лыжины. Устраивали снежные горы и прыгали с них, словно с трамплина. Случалось, так врежешься в сугроб, что еле выберешься.

У некоторых ребят были настоящие коньки. Я с завистью смотрел, как быстро и ловко скользят приятели по льду. А другие лихо катались на неуклюжих самоделках. Я тоже смастерил себе коньки: деревянную колодку подбил проволокой и крепко привязал к ноге, обутой в лапоть. Встав на лед, другой ногой оттолкнулся и покатился по широкому замерзшему озеру. Правда, кататься можно было только на одной ноге, но я наловчился и летел стрелой на неуклюжей колодке. Скоро я научился поискусней мастерить «дротяные» коньки и даже другим ребятам делал – выменивал на карандаши и фантики. Одна была беда – очень быстро изнашивалась обувь, и, к большому моему огорчению, отец запретил мне кататься.

Спустя несколько лет я заработал себе на настоящие конь-

ки-снегурочки и часто вспоминал лихое катание на колодке с проволокой.

В ШКОЛЕ

Однажды осенью 1927 года я стоял на улице и с завистью смотрел на соседских ребят – они спешили в школу. Мне взгрустнулось: так бы и побежал с ними, но ждать еще целый год. Мне только семь, принимали тогда в школу с восьми лет.

Из соседнего двора появился Василь – мой приятель. Он старше меня на два года и ходит уже во второй класс.

– Пойдем, Ваня, в школу. Я тебя запишу, – говорит он с важностью.

– В школу запишешь? – удивился я.

– Ну да, ведь ты уже читать и писать умеешь. А Нина Васильевна добрая, ребят любит. Она тебя в свою группу примет. Пошли!

И я побежал вслед за Василем, не задавая вопросов. Даже забыл у родителей позволения попросить. Бегу, а сам трушу – вдруг учительница откажет. У школы – обширного деревянного здания – останавливаюсь.

Над дверями картина величиной с человеческий рост. Ее написал маслом художник-самоучка Малышок. Сколько раз, проходя мимо, я останавливался, разглядывал ее. Вижу ее как сейчас: по волнам плывет раскрытая книга, на ней стоят рабочий и работница и в поднятых руках держат серп и мо-

лот. Впрочем, в ту минуту я не смотрел на картину. Я оробел и не мог тронуться с места.

Василь обернулся.

– Да ты не бойся. Не обидит тебя учительница. Примет.

Он взял меня за руку и повел в школу. В коридоре нас обступили ребята.

– Что, Василь, новичка привел?

– Привел. Смотри, Ваня, есть такие же маленькие, как ты.

Пойдем.

Я робко заглянул в класс. Потом вошел. Как здесь просторно! Глаза разбежались: какие блестящие парты, а доска какая – вот бы на ней порисовать!

Вошла учительница. У нее молодое доброе лицо, гладко зачесанные волосы, между бровями чуть видна прямая морщинка.

Все поднялись, поздоровались с учительницей. Она, ласково улыбаясь, посмотрела на ребят, велела всем сесть. И вдруг спросила, глядя на меня:

– А что это за маленький хлопчик у нас появился?

Сердце у меня замерло: маленький – значит, не примет.

– Да, Нина Васильевна, это мой сосед, Ваня, – торопливо стал объяснять Василь. – Он читать умеет, вот я его и привел. Надо Ваню в школу записать.

Учительница тихонько засмеялась, внимательно и дружелюбно глядя на меня.

– Ну, подойди к доске. Напиши буквы, какие знаешь.

– Да я все знаю.

И, встав на цыпочки, я старательно начал выводить мелом на доске печатные буквы.

Учительница дала мне букварь. Сначала я запинаясь, а потом бойко прочел какой-то коротенький рассказ.

Нина Васильевна спросила, сколько мне лет и как моя фамилия.

– Садись-ка, Ваня, рядом с Ивасем. Я беру тебя в первую группу, хоть ты еще и мал.

Не помня себя от радости бежал я домой после уроков. Вот только что еще скажут родители!

Выслушав мой сбивчивый рассказ, отец согласился:

– Что ж, учись. А за своеволие наказать тебя следует.

Но вступилась мать:

– Ты же сам говорил – учиться ему надо!

От дома до школы было далеко, и я вскакивал спозаранку – все боялся опоздать. И почти всегда приходил первым. В классе сидел смирно, слушал внимательно, слова мимо ушей не пропускал: заметил, что так легче и быстрее домашнее задание сделаешь.

Учительница у нас была добрая, заботливая и очень взыскательная. Она требовала, чтобы наши тетради и книги всегда были в порядке, приучала к аккуратности, строго следила за тем, чтобы мы опрятно одевались, правильно сидели, были вежливы и прилежны.

Наступила зима, начались вьюги, улицы завалило снегом. Однажды утром я проснулся очень рано. В трубе завывал ветер, было совсем темно.

Мать уже встала и топила печь. Она не хотела пускать меня в школу: стоял сильный мороз. Но я со слезами упросил ее отпустить меня.

Бегу что есть силы по улице. От холода дух захватывает. Ребят нигде не видно. Прибегаю. На дорожке, запорошенной снегом, ни одного следа. В окнах темно, но из трубы вьется дымок. Поднялся на крыльцо – дверь заперта. Ну, думаю, опоздал! От досады заплакал.

И тут дверь отворилась и вышла Нина Васильевна. Одной рукой платок на голове придерживает, а другой обняла меня:

– Зачем ты в такой мороз пришел? Ведь мы сегодня не учимся.

А я всхлипываю и молчу. Учительница вытерла мне слезы и повела к себе. Сняла с меня куртку, шапку и вдруг испуганно воскликнула:

– Да у тебя ухо отморожено!

Она принесла снега в миске и начала осторожно растирать мне ухо, пока кожу не защипало и ухо не стало гореть. Потом усадила к столу и угостила горячим чаем и конфетами.

Я совсем успокоился: пью чай и вокруг поглядываю. В комнате у Нины Васильевны я впервые. «Как тут хорошо да светло!» – думаю я и с удивлением поглядываю на книжную полку – столько книг я никогда еще не видел.

После чая Нина Васильевна усадила меня поудобнее возле печки и дала большую книгу – сказки с картинками. Сейчас я уже не помню ни картинок, ни названия книги. Помню только, что мне было очень хорошо у нашей учительницы.

С того дня и началась моя дружба с Ниной Васильевной. Часто потом, уже учеником старших классов, я бывал у нее и, сидя здесь, у печки, прочел немало полезных и интересных книг.

ПЫТАЮСЬ ЗАРАБОТАТЬ

Все три мои брата еще мальчишками батрачили на богатеев и в нашем, и в соседних селах – виделись мы редко.

К зиме братья привозили домой заработанное: хлеб, овощи, немного денег. Это пополняло наши скудные запасы. В тяжелом, унижительном труде на кулаков провели они детство. Особенно трудно приходилось Грише – тихому, безответному: жестоко обращались с ним куркули, обманывали и обсчитывали.

Учились братья урывками. Очень тянулся к учению Сашко: он много читал, прилежно занимался, стараясь наверстать упущенное.

Братьев я очень любил. Несмотря на разницу в годах, у меня с ними было много общего. Я с нетерпением ждал их. Придут они, и сразу в хате становится шумно и тесно. Они рассказывают о своем нелегком житье в людях, о прижими-

стых и жадных куркулях. Мать, вздыхая, утирает глаза кончиком головного платка, отец насупится, а сестра Мотя отложит вышивание и, пригорюнившись, слушает братьев. А я думаю: «Нет, на куркуля батрачить ни за что не стану».

Учился я прилежно, с увлечением. Но неожиданно учение пришлось бросить – незадолго до летних каникул заболел отец. Как-то прихожу домой из школы, а он подзывает меня и, глядя в сторону, говорит:

– Придется тебе, сынок, уйти из школы. Я определил тебя подпаском к дяде. Пойдешь к нему завтра на заре.

Я взмолился:

– Дай, тату, школу кончить, а там куда хочешь пойду. Хоть до каникул подожди. Все лето проработаю.

И так и сяк пытался я уговорить отца, но он твердо стоял на своем:

– И не проси, Ваня. Дело решенное.

И на заре я отправился в соседнюю деревню к дяде-пастуху. Хлопот со стадом было много, и днем я отвлекался, а вечером не находил себе места: все думал о школе.

Первые дни дядя строго следил за мной, не отпускал ни на шаг. Но стадо было большое – одному пастуху трудно уследить за всеми коровами.

Недели через две дядя сказал:

– Ну, теперь, Ваня, ты присмотрелся, привык. Сегодня будешь у выгонов пасти. Смотри, чтобы домой ни одна корова не ушла. А я к посевам пойду.

За стадом слежу внимательно: привык сызмальства старательно выполнять порученную мне работу. Но дума у меня одна: неужели учение бросить придется? Как же быть? Убегу, будь что будет. А с коровами ничего не случится. Осмотрелся – дяди не видно. И, недолго думая, побежал домой.

Отец что-то мастерил во дворе. В руках у него была веревка.

Я бросился к нему:

– Что хочешь, тату, делай, но возьми меня домой. Учиться хочу.

Он молча схватил меня за руку. «Ну, – думаю, – батька мне сейчас всыплет». Так и случилось. Он крепко выпорол меня той самой веревкой, которую держал в руках. И все приговаривал: «Вот тебе за самоволье!» Я молчал, ни слезинки не пролил. Пришла мать и, сразу разгадав, что мне от отца досталось, с укором посмотрела на него, покачала головой:

– Да что ты робишь: ведь без тебя учительница была. Сказала, чтобы ты из пастухов взял его, в школу посылал.

Отец постоял, опустив голову, – неловко ему было. Вздохнув, сказал:

– С тобой, Ваня, видно, ничего не поделаешь, ты у меня упорливый. Учись.

Помолчав, добавил словно нехотя:

– Да только денег нет у меня на карандаши да краски. Сам заработай. Вот куркуль с нашей улицы созывает малых ребят

на очистку скотного двора. Может, что и даст.

Сашко иногда батрачил на этого куркуля, говорил, что он очень богат и, как все толстосумы, жаден и прижимист.

С утра до темноты мы, малые ребята, убирали скотный двор. Таскали навоз, мели, скребли. Устали, проголодались – за целый день нам не дали ни кусочка перекусить. И уплатил нам кулак за всю работу... по одной копейке. Недаром гласит старинная поговорка: «Кто богат, тот жаден».

Обидно было до слез, зло разбирало. Я все твердил про себя: «Ни за что больше не буду батрачить на проклятого куркуля». Но пришла осень, заболел отец. Очень нужны были деньги. И снова пришлось наняться к кулаку. Целый день гонял на молотилке лошадей по кругу. К вечеру устал, проголодался, но был доволен: на конях накатался вволю и денег, верно, заработал – уж на этот раз, думаю, сквалыга-богатея заплатит получше.

Но получил я кусок хлеба с тухлыми шкварками. Я швырнул подачку и, зло посмотрев в лицо мироеду, повернулся и ушел.

По дороге мне встретился дядя Сергей. Он остановил меня, спросил, как дела. Я рассказал ему обо всем. Дядя Сергей положил мне руку на плечо:

– Запомни это, Ваня. И знай – недолго богатеям над бедняками измываться. Скоро мы навсегда избавимся от кулацкой кабалы.

ВАЖНЫЕ НОВОСТИ

В конце двадцатых годов новые понятия, новые слова входили в нашу жизнь. О социалистическом переустройстве деревни, коллективном хозяйстве, МТС, о всем том новом, что происходило во всей стране и в нашей деревне, нам, ребятам, рассказывала учительница. И мы начинали понимать, что коллектив – это великая сила, что вместе сделаешь гораздо больше, чем в одиночку, и теперь, объединившись, люди будут строить новую жизнь на селе.

Близок, понятен был нам смысл ленинских слов о том, что большевики отвоевали Россию у богатых для бедных. Эти слова люди часто повторяли на сходках и митингах, где звучали горячие речи сельских активистов, призывы к борьбе с кулаками, захватившими хлеб в свои руки, к борьбе за колхозное движение. После митингов разговоры на улицах не умолкали до темноты.

У нас, как и повсюду, коммунистам помогали комсомольцы. Среди них был и мой брат Сашко: бывший батрак стал активным борцом за коллективизацию, вместе с другими комсомольцами горячо выступал на собраниях.

Особенно памятно мне многолюдное собрание, на котором было постановлено организовать колхоз и назвать его «Червоный партизан». Много людей выступало на этом собрании: и работники, приехавшие из райцентра, и наши од-

носельчане, и среди них инвалид войны, наш сосед Кирилл Степанищенко – он один из первых записался в колхоз.

В тот день люди, оживленные, радостные, долго не расходились по домам. А отец, вернувшийся вечером из Шостки, где работал на заводе, все повторял:

– Да, открылись у народа глаза, поняли люди, что кулак на батрацком труде наживается.

Народ шел в колхоз дружно, среди первых записался и мой брат Сашко. Его посылали на курсы подготовки колхозных кадров, и он стал работать счетоводом. Он был очень занят, с рассветом уже на ногах. По дороге в правление колхоза он часто заходил посоветоваться о делах к коммунисту Максимцу, жившему неподалеку от нас. Домой брат приходил поздно и еще долго работал. Сквозь сон я слышал, как он щелкает на счетах и рассказывает отцу о новостях.

А новостей было много. Были и тревожные. Нашлись у нас негодяи, подкупленные кулаками. Бандиты ночью поджигали дома сельских активистов, покушались на их жизнь. Было известно, что у врага есть оружие – обрезы.

У нас, ребяташек, настроение в ту пору было воинственное. Мы играли в облаву, мечтали поймать настоящего бандита. Особенно после писем от моего старшего брата Якова. Он служил тогда в пограничных войсках в Кушке – самой южной точке нашей родины – и писал о борьбе с нарушителями границы. Отец по многу раз читал его письма родственникам и соседям.

Настоящий праздник был дома, когда брат прислал свою фотографию: он очень возмужал, на нем красноармейская шинель как литая, в руках – сабля. Я не мог глаз отвести от этой сабли. А когда на побывку приехал наш сосед – молодой командир, недавно закончивший ученье, – мы, ребята, глядели на него в почтительном молчании. Его молодцеватая осанка и до блеска начищенные сапоги произвели на нас большое впечатление, и всем ребятам захотелось стать военными.

В те тревожные дни мать беспокоилась за Сашку, а меня боялась далеко отпускать. Все село поднялось на борьбу с бандитами. Устроили облаву.

Я стоял с мальчишками у околицы. Вижу – в погоню за бандитами бежит Максимец с ружьем. Сразу вспомнились рассказы дяди Сергея о партизанах. И я, забыв, что нам в те дни запретили выходить за околицу, бросился за Максимцем. Подбежал к роще. Там собрались комсомольцы. Один из них взобрался на дерево – для разведки. Не успел кто-то крикнуть мне: «Куда ты, хлопец! Отправляйся обратно!» – как раздалась стрельба. Мимо парубка, взобравшегося на дерево, просвистела пуля – отстреливался бандит. Потом все стихло. И я увидел Максимца и еще двух сельчан: они вели незнакомого человека. Он озирался, поводя злыми, вороватыми глазами. Я побежал домой – скорее успокоить мать.

ВСЕГДА ГОТОВ!

Тревожное время прошло. Бандитов переловили, и село зажило мирной жизнью. Мать повеселела, перестала волноваться за Сашко. Вечером спокойно отпускала и меня.

Скоро на том току, где я гонял по кругу лошадей кулака, заработала молотилка нашего колхоза. И как же я был рад, как счастлив в то утро, когда брат Сашко мне сказал:

– Пойдем на ток, подсобим колхозникам. Лошадей по кругу погоняешь, зерно убрать поможешь. Теперь будешь работать для коллектива – не для куркуля!

А еще через несколько дней по улицам проехали телеги: в гривы лошадей вплетены были разноцветные ленты, а на дугах большими красными буквами выведено ОКЧП – Ображеевский колхоз «Червоный партизан». Колхозники посадили нас, ребят, и мы важно проехали по всему селу.

Колхозники отремонтировали бывший барский дом, увитый хмелем и диким виноградом, с бассейном перед парадным входом. Теперь в доме помещалось правление колхоза. Обширный яблоневый сад, разбитый посреди села и обнесенный высокой оградой, отошел к колхозу.

Большим и радостным событием в деревне было строительство колхозного клуба. Все с нетерпением ждали его открытия. Тогда я впервые услышал слово «сцена» и каждый день бегал на стройку посмотреть, скоро ли ее начнут воз-

водить.

А вскоре мы узнали, что наше село будет электрифицировано. Новость всех обрадовала: ведь вечера мы коротали при свете керосиновой лампы, с каганцами, а еще совсем недавно и с лучиной. Колхозники только и говорили о том, что теперь с помощью электричества можно будет обмолачивать зерно.

И вот долгожданный день наступил: ток включен. В хатах загорелась «лампочка Ильича», стало светло, уютно.

Большой колхозный клуб теперь будет залит электрическим светом, а из школы так бы весь вечер не уходил!

С нетерпением ждали ребята организации пионерского отряда, засыпали Нину Васильевну вопросами. Она рассказывала нам об истории пионерской организации, о торжественном обещании пионеров.

Комсомольцы часто стали давать нам поручения – называли связными. Мы бежали наперегонки выполнять их задания.

Осенью мы впервые вышли с Ниной Васильевной в поле – помогать колхозникам собирать колоски. У каждого своя полоса. Колос за колосом – набит почти целый мешок. На моей полосе выбрано все. Принимаюсь за новую. Хочется собрать все до колоска. Только подумаю: «Ни одного не осталось!» – смотрю, еще колос. Оглядываюсь – вижу, несколько ребят копошатся: видно, им тоже не хочется бросать полосу.

В полях – уборка картофеля. И на помощь колхозникам

снова приходит наша школа. Мы работали в поле до темноты, выбирали картофель, помогали грузить его на подводы. Тут же в поле обедали, лакомились печеной картошкой у костра.

Пионеротряд у нас организовался в 1930 году, за несколько дней до Октябрьских праздников. В ясное, солнечное утро мы до уроков выстроились в школьном дворе. Нина Васильевна еще раз напомнила нам, что пионер должен быть примером для всех ребят и в учебе, и в труде, и в поведении, что он верный помощник своих старших товарищей – комсомольцев. Я до сих пор помню слова учительницы, которую так любил и уважал.

И вот Нина Васильевна повязала мне пионерский галстук, прикрепила его зажимом, изображающим пионерский костер, с надписью: «Всегда готов!»

С пионерским галстуком я не расставался. Перед сном тщательно складывал и прятал его под подушку. Ночью просыпался и все смотрел – тут ли он.

В день Великого Октября мы ранним вечером собрались у клуба. На нас – нарядные вышитые рубашки. Пионерские галстуки тщательно отглажены и аккуратно повязаны.

Клуб ярко освещен, украшен картинами Малышка, всюду лозунги и зеленые гирлянды – их делали мы, школьники.

Гости, приехавшие из районных организаций, поздравляют колхозников с великим праздником, поздравляют и с открытием клуба.

Кончается торжественная часть – школьный хоровой кружок готовится за кулисами к выступлению. Нина Васильевна заботливо оглядывает нас – кому галстук поправит, кому пригладит волосы. Выходим на сцену. Нам и весело, и страшновато: в день такого праздника на открытии клуба перед взрослыми выступаем!

Поём по-украински «Интернационал» и старые революционные песни, которые любил Ленин. Потом запеваем: «Мы кузнецы, и дух наш молод, куем мы счастья ключи». Ребята стараются изо всех сил, я даже пытаюсь басить. После каждой песни нам хлопают, как настоящим артистам.

Большое впечатление на нас, ребят, произвела «туманная картина» – так мы называли тогда кинофильм. Показывалась жизнь колхозной деревни, и мы впервые, хоть и на экране, увидели тракторы. С тех пор я не пропускал ни одной картины. Помогал механику переносить коробки с кинолентами, и он позволял во время сеанса оставаться у киноаппарата, объяснял его устройство.

Надо сказать, что скоро и у нас в деревне появился трактор «Путиловец». Тут уж мы могли рассмотреть его получше, хотя к нему нас и не очень-то подпускали.

В клубе выступал и наш школьный театральный кружок. Мы долго готовились к первому спектаклю, сами мастерили костюмы, разрисовывали программки.

Малышок нарисовал декорации: деревья, кусты, хаты, – и я все удивлялся его мастерству. Особенно нравился мне

расписной, узорный занавес.

Старались мы не зря: на представление пришло много народу – наши деды, отцы, матери. Зрители от души веселились, хлопали нам и благодарили наших учителей за первый школьный спектакль.

ПОСЛЕ СТЫЧКИ

В нашей дружной дисциплинированной группе был один озорной хлопец – Сергей. Я его невзлюбил за то, что он обижал горбунка Ивася – хилого, тихого мальчугана.

Жил Ивась, как и я, далеко от школы, у самой околицы, только на противоположной стороне деревни. Но уроки никогда не пропускал, занимался усердно и изо всех сил старался работать наравне с нами в колхозе. А Сергей дразнил его, доводил до слез. Не нравилось мне это. Частенько у нас с Сергеем дело чуть до драки не доходило, хотя драться я не любил. Я любил по-честному помериться силами и побороться на перемене во дворе или после занятий. Но однажды я изменил своему правилу.

Я уже сидел за партой, а учительницы еще не было в классе. Вошел Ивась. Как видно, ему нездоровилось. Вдруг Сергей стал его передразнивать, потом подскочил к нему, ударил по уху. Ивась закричал, схватился за голову и упал на парту. У меня даже в глазах потемнело. Я не стерпел, бросился на Сергея. Мы сцепились в клубок. Катаемся по полу у самого

стола. Хотя я был и поменьше ростом, но оказался посильнее. Только я собрался положить Сергея на лопатки, дверь открылась и вошла Нина Васильевна. Мы вскочили. Стою ни жив, ни мертв. Стыдно мне, что в классе подрался.

– Он за Ивася вступился, Нина Васильевна! – закричали ребята.

Учительница велела всем сесть за парты, а после урока оставила весь класс. Она тоже была возмущена поведением Сергея. На первый раз в наказание оставила его без обеда. Меня же Нина Васильевна пристыдила за то, что я нарушил дисциплину, подрался в классе. И я надолго запомнил этот случай.

Спустя несколько дней Нина Васильевна сказала:

– Ребята, у нас в классе есть отстающие. Вот, например, Гриша Вареник не в ладах с арифметикой. Кто ему поможет?

Ребята закричали, поднимая руки:

– Я, Нина Васильевна! Я помогу!

Поднял руку и я.

Учительница мельком взглянула на меня и продолжала:

– Вот это, дети, будет настоящая помощь товарищам... Не то что драка.

Я покраснел – хоть из класса беги. Как же сгладить свою вину?..

И вдруг учительница сказала, испытующе глядя на меня:

– Вот, Ваня, ты с Гришей и займись. А вы, ребята, подтяните отстающих по другим предметам.

И мы стали часто оставаться в школе после уроков. Занимались, читали, рисовали. Самым большим удовольствием было для меня перерисовывать иллюстрации к «Кобзарю» Шевченко, и учительница охотно давала мне книгу.

Ярко и весело горели электрические лампочки, в классе было уютно, тепло. Нина Васильевна сидела тут же за столом – проверяла наши тетради. Закончив работу, читала нам вслух стихи Пушкина, Маяковского, Шевченко. Или рассказывала о нашем крае.

От нее мы узнали об истории Новгород-Северского, о том, как отсюда отправился в поход на чужеземцев Игорев полк, узнали о замечательном педагоге Ушинском – нашем земляке. В тридцатых годах прошлого века он провел детство в Новгород-Северском. Учительница рассказала нам, что все свои средства Ушинский завещал на постройку сельских школ, по его воле построена и наша.

СТРАШНЫЙ ДЕНЬ

Пришла весна. Вышло из берегов Головачево озеро у нашей околицы. Шаткие мостки залило, а где и снесло. Местами приходилось идти вброд. Я был невелик ростом, и мне особенно доставалось от вешней воды. Надоело мне это. Раздобыв жерди и гвозди, я смастерил высоченные ходули. Подбил их гвоздями, чтобы не поскользнуться на льду, который кое-где лежал под водой.

Долго я тренировался во дворе, прежде чем пуститься в дальний путь в школу. Дома надо мной посмеивались, но когда я прошел по улице, не замочив ног, отец позволил мне идти в школу на ходулях.

Я переходил через глубокие места, рассекая ходулями воду, и был очень доволен своей затеей. Сначала меня не узнавали даже знакомые дворовые псы – они с лаем бросались к моим длинным деревянным ногам.

Вхожу в школьный двор. Меня обступили ребята. Нина Васильевна рассмеялась и похвалила за выдумку. А я был рад, что она больше на меня не сердится.

А через несколько дней случилось происшествие, запомнившееся мне на всю жизнь. Вот как было дело.

Вода медленно спадала, и кое-где на пойме уже островками выступали холмы, поросшие травой, щавелем и диким луком.

Надо быть умелым гребцом, чтобы пуститься в плавание по широкой пойме, особенно в ветреную погоду. И нам это запрещалось. Но пойма нас манила, да и на островках щавель рос крупный, не то что на берегу, где его повыбрали да и скот потравил. И мы – пятеро мальчишек и две девчушки – запрет нарушили: отправились на лодке к дальнему острову.

Весело было плыть по широкому раздолью. Вволю набегались по острову, набрали по большой торбе щавеля и луговой цибули. Погрузили торбу в лодку, сели. Смотрим – вода вровень с бортами. Налетел холодный ветер, вздымая вол-

ны. Надвигалась буря. Я и еще двое ребят стали уговаривать остальных заночевать на островке: к утру ветер утихнет и нас найдут. Недавно я прочел «Робинзона Крузо» и уговаривал особенно горячо. Но большинство стояло на своем: скорее бы добраться домой. А девчушки уже лили слезы. Старший, Василь, решил: надо плыть. Все его поддержали. Пришлось подчиниться.

Поплыли. Вычерпываю воду старым солдатским котелком. Ветер все крепчает. Тучи затянули небо. Волны захлестывают лодку – мы прикрываем ее полами курток. Вдруг нас резко развернуло по ветру. Не успела лодка соскользнуть с гребня, как нас накрыло набежавшей волной. Лодку перевернуло вверх дном. Мы начали тонуть, но под ногами оказалась земля. Нам с Андрейкой, моим приятелем, – по шею, Василию – по грудь. Волны перекатываются через наши головы. Захлебываемся. Вдруг видим – к нам подплывает лодка. И тут же поворачивает обратно.

– За лодкой, ребята! – крикнул Василь.

Мы вплавь кинулись ее догонять. Уцепились за борта. Смотрю – нас четверо: Андрейка, Проня, Василь и я. Троих нет.

Хозяин лодки, наш односельчанин дядя Игнат, все гребет и гребет дальше к кустам – они словно на воде росли.

– Поворачивай, дядя Игнат, куда ты? Подберем наших!

– Сами вот-вот потонем, еле гребу! – крикнул он со злостью. – Я-то ведь думал, в лодке моя жинка возвращается из

Новгород-Северского.

Мы кричим, просим его повернуть, а он не слушает.

Подплыли к кустам. Да это не кусты, а макушки деревьев, растущих на затопленном островке! Лодку залило. Я схватился за ветки. Тревожно осматриваюсь. Все тут. Андрейка неподалеку. Слышу его испуганный голос:

– Ваня, дна не достать!

– Держись крепче! – кричу я.

Кругом вода. До берега не доплыть: далеко. Порывистый ветер чуть не срывает с дерева. Я нащупал толстый сучок, уперся в него ногами, руки у меня словно приросли к ветвям. Мы кричали, звали на помощь, но скоро выбились из сил и затихли. Только Игнат, сидя на ветке, изредка выкрикивал:

– Рятуйте, люди добрые! Рятуйте! Тонем!

Смеркалось. Холодный ветер пронизывал. Глаза у меня слипались. Недаром мать говорила: когда замерзаешь, сон одолевает, заснешь – и конец.

Стараюсь пересилить сон, хочу крикнуть: «Ребята, Андрейка, не спите!» Но голос не слушается, свело губы.

Послышался плеск. Мне показалось, будто что-то тяжелое упало в воду. А немного погодя сильный порыв ветра поднял высокую волну, меня сбilo с дерева, и я сразу пошел ко дну.

Очнулся я дома, на печке. Полумрак. Верно, уже поздняя ночь. Рядом со мной сидит мама, плачет, глядя меня по голове.

Я вскочил:

– А где Андрейка?

– Ложись, сынок, потом узнаешь. Эх, не бывать тебе на свете, кабы Сашко не врятовал тебе, не вытащил из воды. Не занедужив бы ты, сынок... – Мать утирает слезы и, не утерпев, добавляет: – И чого вы погнались за тем щавелем!..

Проболел я несколько дней. В бреду звал Андрейку, плакал, и мать от меня не отходила.

Только много дней спустя Сашко сказал мне, что Андрейка утонул, упав с дерева. Утонули и двое других ребят. Я долго горевал.

Оказывается, ребята на берегу увидели, что мы тонем. Сбежались сельчане. В это время из Новгород-Северского вернулся большой баркас. Выгрузив пассажиров, он тотчас же отправился к нам на помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.